

ФЕМИНИЗМ, ПРАГМАТИЗМ И ОТКАЗ ОТ МАСТЕР-ТЕОРИИ

Е.А. Рузанкина

Новосибирский государственный
технический университет

elizaveta.ruzankina@yandex.ru

Цель работы – интерпретация отказа от построения мастер-теории в феминистской эпистемологии в рамках современного прагматизма. С точки зрения феминизма отказ продиктован принципиальной «нестабильностью аналитических категорий феминизма», которая является следствием невозможности копировать андроцентрический характер построения феминистской теории (С. Хардинг). Прагматическая интерпретация отказа дает возможность представить «нестабильность» не как следствие релятивизации дискурса в рамках феминистской эпистемологии, а как следствие прагматической интерпретации теории «как инструмента», используемого для анализа сложного социального явления.

Ключевые слова: феминизм, феминистская перспектива, феминистский постмодернизм, прагматизм, С. Хардинг, Р. Рорти.

DOI: 10.17212/2075-0862-2016-1.2-30-38

Термин «мастер-теория» приобрел особое значение в ходе обсуждения концепции парадигмы Т. Куна. Парадигма задает поле исследования, определяет категориальный аппарат и формирует общий «взгляд на вещи», выполняющий важную «когнитивную функцию», без понимания которой невозможна «адекватная реконструкция научного знания». В этом смысле парадигма функционирует как модель, как «мастер-теория», которая является частью «дисциплинарной матрицы», принимаемой сообществом, и вместе с «кодифицированными обобщениями», «метафизическими допущениями», «ценностными установками» и «каноническими примерами» обеспечивает единство содержания знания (см. [7, с. 308–313; 8, 9, 3]). Учитывая отрицание универсализма, а также принципиальную неоднородность феминизма как философского направления, достаточно сложно предположить, что в рамках феминистской эпи-

стемологии возможно построение единой мастер-теории, аналогичной, например, каноническому образу универсальной научной теории (базовые допущения, ядро, дедуцированные следствия) в современной философии науки. Более того, как отмечает С. Хардинг, невозможность построения мастер-теории в рамках феминистской эпистемологии является следствием принципиальной «нестабильности аналитических категорий феминизма» (см. [5]).

На наш взгляд, ряд аргументов, которые приводит С. Хардинг в пользу обоснования этой «нестабильности» и отказа от построения мастер-теории, можно выразить не только на языке феминистской эпистемологии. В частности, отказ копировать андроцентрический способ описания объектов можно выразить в русле современного прагматизма, например, как отказ от существования дихотомии «правильного» и «неправильного» способа представления объ-

ектов, или как отказ от понимания концептуализации «как отражения», в пользу понимания концептуализации «как инструмента». Суть подобной интерпретации феминизма в контексте прагматизма не только в том, что нам удастся поместить феминизм в рамки более широкой и уважаемой философской концепции, но и в том, например, чтобы избавить феминизм от обвинений в релятивизме. Отказ от построения мастер-теории в феминистской эпистемологии в этом случае может быть проинтерпретирован как следствие прагматической интерпретации концепции «как инструмента», используемого для анализа сложного социального явления. Естественно, остается вопрос о соотношении феминизма и прагматизма в целом. В определенном смысле прагматизм и феминизм связаны «генетически» (см., например, [4]). Ниже мы будем рассматривать эту связь через призму представления, предложенного Р. Рорти в работе «Феминизм и прагматизм» [12]. Речь не идет о том, чтобы раскрыть те или иные детали определенного общего представления о феминистской ренепции прагматизма, либо о прагматической интерпретации феминизма. Мы пытаемся подчеркнуть то, что прагматизм в целом обладает всеми необходимыми ресурсами для того, чтобы плодотворно интерпретировать феминизм. Что касается фигуры С. Хардинг и ее концепции «плавающих категорий феминизма», то мы отдаем себе отчет, что она не может говорить за весь феминизм, а также что в более поздних работах она отчасти смягчила приводимые здесь достаточно радикальные взгляды.

Феминизм и современный прагматизм

Феминизм не является однородным и может одновременно выступать и как ми-

ровоззрение, и как теория, и как метод, и как социальное движение, и как политическая идеология. Более того, по своей сути феминизм является частью более широкого проекта «постколониальных исследований», основным элементом которых является анализ идентичности, субъективности, истории, знания и власти с точки зрения ответа на вопрос: «Кто говорит?». В этом смысле показательна интерпретация феминизма в духе марксизма и гегельянской традиции понимания отношения «хозяин–раб», в рамках которого рабовладелец реконструирует подчинение раба как сущность его внутренней, естественной природы. Феминизм 1970-х объяснил смысл угнетенного положение женщин в мире мужчин, в котором исходным пунктом понимания женщины выступает ее естественная природа. Так же как К. Маркс и Ф. Энгельс в XIX веке объяснили угнетение рабочего класса с точки зрения пролетариата, а не капиталиста, феминизм объяснил угнетение женщин с точки зрения самих женщин. Такая перемена взгляда, когда окружающий мир и место социальной группы в нем начинает рассматриваться с точки зрения самой этой группы и жизни ее членов, важна не только для женщин, но и для любой угнетенной социальной группы, вступающей в политическую борьбу. С. Хардинг отмечает: «Женщины испокон веков рассматривались как социальная группа, которая концептуализировалась “снаружи”, т. е. с точки зрения мужчин. Феминизм дает возможность женщинам осознать себя как социальную группу “для женщин”, с точки зрения их самих, их жизни, их потребностей, их целей, формируя групповое сознание, которое делает возможным политическую борьбу. Стоит отметить, что аналогичные процессы и движения были характерны для

Америки в 1960-х, когда начиналось широкое социальное обсуждение прав человека и положения афро-американцев, и это также характерно для современного американского общества и обсуждения прав мексиканцев или положения ЛГБТ-сообщества» [6, р. 121]. В дополнение к этому можно добавить, что феминизм в значительной степени исповедует идеологию современного прагматизма. Постколониальный характер проблематизирует феминизм и задает его социальную и политическую окраску, а прагматизм позволяет содержательно проинтерпретировать феминизм и его границы в рамках собственно философских исследований.

В нашей предыдущей работе мы подчеркивали значимость для феминизма интерпретации объективности как интерсубъективности (см. [1]). Примечательно то, что интерсубъективность и следующее за ней понимание достоверности знания не является чертой, характерной исключительно для феминизма и феминистской эпистемологии. Соответственно, для того чтобы показать значимость феминизма не только для формирования самосознания женщин, но и для философии, необходимо проинтерпретировать отказ от классического понимания объективности в более широкой философской перспективе. Подобная перспектива, с одной стороны, должна обеспечивать терминологическую и содержательную близость феминизма и других направлений философии, которые подчеркивают необходимость отказаться от классического понимания объективности, а с другой – обеспечить необходимые основания для изменения классического смысла объективности за счет добавления соображений «социального характера» для того,

чтобы, например, обосновать необходимость дегендеризации образа науки.

Отметим наиболее существенные черты современного прагматизма, которые, на наш взгляд, могут быть полезны при задании соответствующей интерпретации феминизма. Во-первых, все обвинения в релятивизме, субъективизме и социальном конструктивизме, которые действительно могут быть выдвинуты против теории, которая, например, подчеркивает частный характер женского опыта и многообразие способов его реконструирования, на самом деле являются следствием принятия неочевидных метафизических дихотомий в стиле Платона и И. Канта, которые отвергаются прагматизмом: «Мы, прагматисты, отрицаем обвинения в “релятивизме” и “иррационализме”, говоря, что эти обвинения предполагают дихотомии, которые мы сами не принимаем» [11, р. xix]. С точки зрения Р. Рорти, любая дихотомия платоновского толка не является «открытой», в том смысле что нашему восприятию наконец-то открылась часть реальности «самой по себе», а является «созданной», т. е. искусственной, и отвечает конкретной формализации анализируемой проблематики (словарю). Смена словаря, которая сама по себе может подчиняться прагматическим соображениям, может избавить нас от «старых» дихотомий. В этом смысле «...В то время, как традиция имеет дело с тем, чего на самом деле здесь нет, мы, прагматисты, имеем дело с тем, что действительно здесь *есть* (is really there)... Мы больше не пользуемся делением реальность–данность, а пользуемся делением между открытым и созданным. Мы надеемся заменить деление реальность–данность делением между тем, что более и менее полезно (useful)... [в отличие от наших предшественников] у нас дру-

гой словарь» (курсив автора – Е. Р.) [Там же, р. xxii]. На наш взгляд, отрицание андроцентрического дискурса и партиархальной методологии, которым в современной философии порой придается характер абсолютной «данности», вполне соответствует приведенному замечанию: у феминистской теории свои цели, успешное достижение которых предполагает свой словарь.

Во-вторых, прагматизм предполагает, что любая концептуализация в первую очередь представляет собой инструмент достижения цели, а не отражение реальности «как она есть». В этом смысле «сказать, что данное убеждение является, насколько мы знаем, истинным, это сказать, что, насколько мы знаем, не существует других альтернативных убеждений, которые лучше описывают действие... Мы не можем рассматривать истину как цель исследования. Цель исследования – достичь согласия относительно того, что делается, достичь консенсуса относительно результатов, которые будут достигнуты, и относительно средств, которые используются, чтобы достичь этих результатов» [11, р. xxv]. С точки зрения Р. Рорти, нет понятия истинности как соответствия реальности, есть понятие выбора между двумя концептуализациями, которые лучше или хуже описывают данное явление, в соответствии с поставленной целью. Не нужно требовать от феминистской теории отражения реальности; потенциально существует не только множество феминистских теорий, но и множество подходов к концептуализации пространства женского опыта (например, феминистский эмпиризм, феминистская позиция, феминистский постмодернизм), каждая или каждый из которых имеет свои плюсы и минусы.

В-третьих, прагматизм отрицает представление об универсальности, которое яв-

ляется следствием отрицания индивидуальности: «Идея универсальности, источником которой является “природа человека”, ... является ошибочным способом выразить мысль, что все люди в целом составляют глобальное сообщество, которое инкорпорирует большую часть представлений о морали, характерных для европейских демократий. Ошибочным это представление делает допущение, что стремление к построению такого сообщества некоторым внутренним образом принадлежит каждому человеку» [11, р. xxxii]. На наш взгляд, тезис о необходимости дегендеризации науки, равно как и тезис о контекстуальной зависимости знания, с прагматической точки зрения означают одно и то же: представление об объективном как о полностью очищенном от субъективного, т. е. являются частью «старого» философского словаря. В «новом» словаре степень объективности, наоборот, повышается за счет привнесения субъективного и того, что раньше считалось «загрязняющим познание».

Таким образом, можно предположить, что между феминизмом и современным прагматизмом действительно много общего. Ниже, приводя аргументы С. Хардинг против построения мастер-теории, мы постараемся отдельно подчеркнуть и их прагматическую интерпретацию.

Мастер-теория и феминизм

Один из первых шагов, который предпринимается при построении новой теории, будь то феминизм или теория тяготения, – это попытка расширить и переинтерпретировать «знакомые» категории таким образом, чтобы, с одной стороны, подчеркнуть особенности предмета исследования, а с другой, используя схожесть аналитических средств, попробовать «встроить»

новое в традиционный интеллектуальный дискурс. Например, мы предполагаем, что анализ природы «женщины» не должен принципиально отличаться от анализа природы «мужчины» (доминирующий дискурс), и пытаемся придать «женщине» знакомую по учебникам ясность, отметить детали и построить структуру, отвечающие каноническим представлениям, суть которых по большей части была почерпнута в ходе анализа «мужчины». Проблема состоит в том, что подобная переинтерпретация дискурса для феминизма является весьма и весьма затруднительной. Р. Рорти отмечает: «С точки зрения этого подхода, как я его вижу, “женщина” – это не обозначение одного из способов быть человеком, не обозначение морального субъекта, а обозначение неспособности (disability)» [12, с. 235].

Речь не идет о том, что ни одна из множества имеющихся теорий, описывающих все многообразие форм опыта, не может быть соответствующим образом переинтерпретирована и применена к анализу «женского опыта» и «гендерных отношений». По мнению С. Хардинг: «Когда мы начинаем исследование с анализа именно женского опыта, то сразу же обнаруживаем явления (например, эмоциональная нагрузка или реляционная структура личности), которых не было, нет и не может быть в теориях, описывающих мужской опыт. Они были невидимы. Признание этих явлений подрывает легитимность всей аналитической структуры [традиционных] теорий... Более того, понимание деструктивного и мифического характера универсальных теорий, построенных на основании анализа мужского опыта, должно привести нас к мысли о бессмысленности анализа, который будет опираться на некоторое универ-

сальное представление о женщине и женском опыте. Мы должны понимать, что перспективу, которая откроется в ходе анализа опыта гетеросексуальной белой женщины, принадлежащей западной культуре и живущей в современном буржуазном обществе, будет очень сложно распространить на анализ опыта любой другой женщины» [5, с. 646]. Речь идет о принципиальной «нестабильности» тех категорий, которые будет использовать любая из возможных феминистских теорий.

Предполагается, что хорошая феминистская теория должна служить общей цели феминистского исследования – трансформации общества и сложившейся системы отношений. Сложность заключается в том, что и объекты исследования, и сами теории находятся в постоянном изменении. Очевидно, что большинство традиционных (или патриархатных с точки зрения феминистской идеологии) теорий также были разработаны исходя из представления об универсальном образе белого гетеросексуального мужчины, принадлежащего западной культуре и живущего в современном буржуазном обществе: «Социологический дискурс, – отмечает Д. Смит, – смотрит на мир сквозь призму отношений власти, которые практически узурпированы Белым Мужчиной, и потому мир явлений, созданный этим дискурсом, – это взгляд с их позиции» [2, с. 57]. В то же время одна из идей, лежащих в основании феминизма, как раз и заключается в том, чтобы показать, что любая попытка разработать теорию, которая будет схватывать единственный истинный образ опыта, будет неудачной не только потому, что она будет использовать перенос, универсализировать содержание и предлагать решения, в лучшем случае соответствующие выбранной

доминирующей группе, но и потому, что подобного «универсализированного» понимания как женщины, так и мужчины нет и быть не может.

Другой пример оснований, которые дают возможность заключить о необходимости принципиальной нестабильности любых категорий, вводимых феминистской теорией, – это отношение с патриархатной теорией. Особенностью патриархатной теории является ее функционирование в качестве организатора отношений между миром текстов и действительным локальным миром их авторов и читателей: «Базовые теории социологии, которые лежали в основе ее конституирования как самостоятельной дисциплины, сформировали методы вписывания общества в тексты. Сложившиеся конвенции конструируют объективированную позицию, согласно которой читатели и авторы находятся в отношениях власти, при которых подавляются конкретные позиции, точки зрения и опыт тех и других» [2, с. 40–41]. В связи с этим основополагающие правила или конвенции социологии создают проблему для феминистских исследователей, пытающихся концептуализировать реальный женский опыт, во-первых, потому, что данные конвенции не позволяют выйти за рамки объективированного дискурса и вынуждают рассматривать объект исследования именно тем способом, которого старались избежать, а во-вторых, так как фундаментальные социологические конвенции «организуют конструирование мира явлений традиционным для социологии способом, то есть путем включения в него мира, познаваемого изнутри отношений власти, где заранее предполагается наличие гендерных, расовых и классовых отношений» [Там же, с. 31].

Таким образом, теории, представляющие собой, по выражению Д. Смит, нормальные практики социологического письма, не соответствуют целям феминистского исследования, и, следовательно, «смысл развития феминистского сознания заключался в том, чтобы заниматься социологией иначе» [Там же, с. 33]. С. Хардинг отмечает: «Рассмотрим еще один пример того, как мы можем зафиксировать неадекватность сексистской позиции. Делая это, мы уже предполагаем, что у нас на руках есть какой-то пример сложившейся феминистской теории. Само это предположение уже включает убеждение в том, что мы в принципе можем сконструировать перспективу, с точки зрения которой мы можем адекватно описать социальные отношения и опыт такими, какими они есть на самом деле. ... Проблема в том, что теоретизирование само по себе имеет подозрительно патриархальный характер уже потому, что предполагает четкое разведение познающего и объекта познания, субъекта и объекта, а также возможность трансценденции. Подобное представление о поиске знания через трансцендирование на самом деле является суперпатриархальным и андроцентрическим... Какими должны быть аналитические категории, которые описывают отсутствующие, невидимые и безмолвные объекты и при этом не просто копируют идеологию доминирующего дискурса? ...Мы должны научиться, как использовать внутреннюю нестабильность аналитических категорий; как найти в самой нестабильности желаемое теоретическое отражение важных аспектов реальности; как использовать эту неустойчивость как ресурс для познания и практики. Никакой “нормальной науки” для нас!»

[5, с. 647–648]. В данном случае аргументация сторонников феминизма во многом, по-видимому, выглядит как рассуждения Ж.-Ф. Лиотара о «ситуации постмодерна». По определению, «ситуация постмодерна» характеризуется недоверием к метаповествованию, для которого, в частности, характерно представление о «трансцендентной и универсальной истине» [10, р. xxix–xxv]. В свою очередь, феминистское исследование, предоставляющее «доступ к публичному дискурсу множества голосов и взглядов, ставит под вопрос само представление о единственности позиции, на основании которой может быть создана конечная, наиболее важная интерпретация мира» [2, с. 57]. В этом смысле феминистское отрицание «идеологии доминирующего дискурса» вместе с отрицанием «универсальности» любых возможных концептуализаций оказывается шагом к принципиальной множественности «локальных повествований», или «языков», описывающих женский опыт.

Как вариант соответствующего правильного понимания следствий «неустойчивости» категорий, вводимых феминистской теорией, делается вывод, что построение мастер-теории – четкого закрепленного представления, формализующего проблемное поле, – невозможно. «Было бы заблуждением считать, что феминизм в принципе может построить свою мастер-теорию, т. е. образ “нормальной науки”, концептуальных и методологических допущений, которые бы принимали все сторонники феминизма. Аналитические категории феминистской теории должны быть нестабильными, поскольку последовательные и согласованные теории в нестабильном и несогласованном

мире могут только препятствовать адекватному пониманию социальной практики. Мы должны научиться избегать ловушек патриархатных теорий для того, чтобы адекватно выражать то, *что мы думаем в тот самый момент, когда мы это говорим*» (курсив автора – Е. Р.) [5, с. 649]. Проблема в данном случае может заключаться в том, – отмечает С. Хардинг, – что мы можем не знать то, что мы хотим сказать, когда оказываемся перед выбором, в который та или иная концептуализация ставит нас. И единственное, в чем мы можем быть уверены, это то, что подобный выбор уже сам по себе свидетельствует о наличии неразрешимой дилеммы для данной феминистской теории. «Мы должны учиться рассматривать каждую концептуализацию не как средство обозначения объектов, явлений и связей, которое дает возможность что-то решить, а как средство прийти к новым постановкам проблем, по-новому интерпретирующих старые проблемы» [Там же]. На наш взгляд, этот вывод повторяет весь спектр идей озвученной выше концепции прагматизма. Аргумент является неразрешимым только в рамках данной конкретной концептуализации, и вместо того чтобы фиксировать неразрешимость обнаруженной дихотомии, нам следует автоматически перейти к другой, более успешной концептуализации. Более того, опора на прагматическую традицию дает гарантию, что представленная «нестабильность» и сам отказ от построения мастер-теории не являются следствием релятивизации построений в рамках феминистской эпистемологии, а могут быть проинтерпретированы как следствие прагматического понимания концепции «как инструмента», используемого для анализа сложного социального явления.

Литература

1. Головки Н.В., Рузанкина Е.А. Достоверное знание, наука второго рода и феминизм // Вестник НГУ. Серия: Философия. – 2013. – Т. 11, вып. 3. – С. 31–36.+
2. Смит Д. Социологическая теория: методы патриархатного письма // Хрестоматия феминистских текстов / под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной. – СПб.: Д. Буланин, 2000. – С. 29–63.
3. *Caiazzo J.* The war of the Jesus and Darwin fishes. – New Brunswick, New Jersey: Transaction Publ., 2007.
4. *Seigfried C.H.* Where are all the pragmatist feminists? // *Hypatia*. – 1991. – Vol. 6, iss. 2. – P. 1–20.
5. *Harding S.* The instability of the analytical categories of feminist theory // *Signs*. – 1986. – Vol. 11, iss. 4. – P. 645–664.
6. *Harding S.* Science from below: feminisms, postcolonialities and modernities. – London: Duke University Press, 2008.
7. *Kuhn T.* The essential tension: selected studies in scientific tradition and change. – Chicago: University of Chicago Press, 1977.
8. *Kuhn T.* Postscript–1969 // *Kuhn T.* The structure of scientific revolutions. – 3rd ed. – Chicago: University of Chicago Press, 1996. – P. 174–210.
9. *Lipkin R.* Constitutional revolutions: pragmatism and the role of judicial review in American constitutionalism. – Durham: Duke University Press, 2000.
10. *Lyotard J.-F.* The postmodern condition: a report on knowledge. – Minneapolis: University of Minnesota Press, 1984.
11. *Rorty R.* Relativism: finding and making // *Rorty R.* Philosophy and Social Hope. – London: Penguin, 1999. – P. XVI–XXXII.
12. *Rorty R.* Feminism and pragmatism // *Michigan Quarterly Review*. – 1991. – Vol. 30, iss. 2. – P. 231–258.

FEMINISM, PRAGMATISM AND DECLINING OF THE MASTER-THEORY

E.A. Ruzankina

Novosibirsk State Technical University

elizaveta.ruzankina@yandex.ru

The paper aims to give an interpretation of the rejection of master-theory in the feminist epistemology within the contemporary pragmatism context. Within the feminist field, the rejection is guided by the fundamental “instability of the analytical categories of feminist theory”, which is itself the consequence of an attempt to copy the androcentric way to make feminist theory (S. Harding). The interpretation of the rejection within the contemporary pragmatism field gives a possibility to represent the “instability” not as the consequence of the relativization of the discourse within the feminist epistemology, but as the consequence of the pragmatic interpretation of the theory “as an instrument”, representing a complex social phenomenon.

Keywords: feminism, feminist standpoint, feminist postmodernism, pragmatism, S. Harding, R. Rorty.

DOI: 10.17212/2075-0862-2016-1.2-30-38

References

1. Golovko N.V., Ruzankina E.A. Dostovernoe znanie, nauka vtorogo roda i feminizm [Reliable knowledge, mode-2 science and feminism]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya – Vestnik of Novosibirsk State University. Series: Philosophy*, 2013, vol. 11, iss. 3, pp. 31–36.

2. Smit D. *Sotsiologicheskaya teoriya: metody patriarkhatnogo pis'ma* [Sociological theory: methods of patriarchal letter]. *Khrestomatiya feministskikh tekstov* [Hrestomatiya feminist texts]. Ed. E. Zdravomyslova, A. Temkina. St. Petersburg, D. Bulanin Publ., 2000, pp. 29–63.
3. Caiazza J. *The war of the Jesus and Darwin fishes*. New Brunswick, New Jersey, Transaction Publ., 2007.
4. Seigfried C.H. Where are all the pragmatist feminists? *Hypatia*, 1991, vol. 6, iss. 2, pp. 1–20.
5. Harding S. The instability of the analytical categories of feminist theory. *Signs*, 1986, vol. 11, iss. 4, pp. 645–664.
6. Harding S. *Science from below: feminisms, postcolonialities and modernities*. London, Duke University Press, 2008.
7. Kuhn T. *The essential tension: selected studies in scientific tradition and change*. Chicago, University of Chicago Press, 1977.
8. Kuhn T. Postscript–1969. Kuhn T. *The structure of scientific revolutions*. 3rd ed. Chicago, University of Chicago Press, 1996, pp. 174–210.
9. Lipkin R. *Constitutional revolutions: pragmatism and the role of judicial review in American constitutionalism*. Durham, Duke University Press, 2000.
10. Lyotard J.-F. *The postmodern condition: a report on knowledge*. Minneapolis, University of Minnesota Press, 1984.
11. Rorty R. Relativism: finding and making. Rorty R. *Philosophy and social hope*. London, Penguin, 1999, pp. XVI–XXXII.
12. Rorty R. Feminism and pragmatism. *Michigan Quarterly Review*, 1991, vol. 30, iss. 2, pp. 231–258.